

Н. Д. КОЧЕТКОВА

**ЛИТЕРАТУРНЫЕ ПОСВЯЩЕНИЯ
В РУССКИХ ИЗДАНИЯХ XVIII ВЕКА. СТАТЬЯ ВТОРАЯ.
ПОСВЯЩЕНИЯ ГОСУДАРЮ**

При всем разнообразии посвящений в русской литературе XVIII в.¹ можно выделить особую большую группу дедикаций государю и члену царской семьи. Именно эта группа, несмотря на существенную эволюцию жанра, оказалась наиболее устойчивой и традиционной на протяжении всего столетия и даже в первые десятилетия XIX в.

Многие особенности этих посвящений восходят к тем общим формулам, которыми отличались еще древнерусские предисловия и послесловия, восхвалявшие правившего государя. Рассматривая эти тексты, относящиеся к XVI—XVII вв., А. С. Елеонская показала, как тесно оказываются связаны патриотические и панегирические темы при характеристике самодержца.² Принципиальным отличием дедикации от предисловия было означение адресата (как правило, на отдельном листе). Однако непосредственная преемственность, существовавшая между этими близкими и все же разными жанрами, наглядно проявилась в изданиях Петровского времени. Так, свой перевод «Введения в историю европейскую» С. Пуфендорфа (1718) Гавриил Бужинский посвятил Петру I:

---

¹ См.: *Кочеткова Н. Д.* Литературные посвящения в русских изданиях XVIII—начала XIX века. Статья 1. Особенности жанра // XVIII век. Сб. 22. СПб., 2002. С. 66—84.

² См.: *Елеонская А. С.* Русские старопечатные предисловия и послесловия второй половины XVI—первой половины XVII в. (патриотические и панегирические темы) // Тематика и стилистика предисловий и послесловий. М., 1981. С. 71—99. (Русская старопечатная литература (XVI—первая четверть XVIII в.)).

«Пресветлейшему, августейшему
непобедимому государю царю
Всероссийскому монарху
и императору
Петру Первому
всегдашнему торжественнику
и победителю
Моему премилостивейшему государю»

За листом, на котором крупным шрифтом напечатаны эти слова, следуют страницы с текстом самого посвящения, представляющим довольно пространный панегирик Петру I и имеющим подпись «Последнейший раб и низжайшее подножие иеромонах префект Гавриил»³ Основные принципы оформления дедикации соблюдены (указан и адрес, и автор), но на колонтитулах текста значится «Предисловие» Таким образом, граница между жанрами предисловия и посвящения государю еще не осознается и там, и здесь главной задачей остается прославление монарха

Однако посвящение дает литератору возможность непосредственно обратиться к государю — всесильный адресат и «низжайшее подножие», несмотря на разделяющую их дистанцию, становятся как бы крайними звеньями одной цепи — это еще не диалог, но заявка на него Писатель или переводчик, посвящающий свой труд государю, берет на себя ответственность, рекомендуя правителю свое или переведенное им сочинение

Опыт европейских литераторов XVII—XVIII вв. в этом отношении также постоянно служил ориентиром В частности, изысканные комплименты Ж. Расина в его посвящениях королю и членам королевской семьи не могли остаться без внимания русских почитателей французского драматурга Посвящая свою трагедию «Александр Великий» (1665) Людовику XIV, он не только проводил параллель между этими правителями, но всячески подчеркивал преимущества своего государя, называя его «самым мудрым королем на земле» («plus sage roi de la terre»)⁴ На исходе XVIII столетия, издавая сочинения Расина, Ж.-Ф. Лагарп весьма иронически отозвался о его «посланиях-посвящениях» («*épîtres dédicatoires*») «Здесь должно быть готовым ко всей смехотворности преувеличений и напыщенности, которые были в посвящениях, так сказать, обязательными способами к изъявлению почтения» («*Il faut s'attendre à trouver ici tout le ridicule de l'exagération et de l'emphase, qui était pour ainsi dire le protocole des dédicaces*»)⁵

³ {Пуфендорф С} Введение в историю европейскую СПб., 1718

⁴ Oeuvres de Jean Racine A Paris, 1768 T 1 P 156

⁵ Oeuvres complètes de Jean Racine avec le commentaire de M. De Laharpe A Paris, 1807 T 1 P 161

Лагарп одобрял Вольтера за то, что его посвящения были более умеренны по своей тональности, но не мог ему простить, что тот сравнивал Ришелье с великим завоевателем Чингизханом и даже отдавал предпочтение первому. Таким образом, вопрос о посвящении книг властителям оставался актуален в эпоху Просвещения не только в России.

Нередки были случаи, когда сочинения зарубежных авторов, посвященные королям и наследным принцам, переадресовывались переводчиками своим монархам. Могли быть примером и книги иностранцев, посвященные русским государям. Далеко не каждую книгу уместно «приписать» царской особе: нужно, чтобы сочинение было достойно адресата, чтобы оно содержало важные истины, чтобы могло принести пользу в делах государственных. Характерны, в частности, позднейшие рассуждения С. А. Порошина, воспитателя наследника престола Павла Петровича, о том, «потребно ли великому государю спускаться до неприличной ему низости», т. е. «в безделках упражняться». Наставник ставит своей задачей в общении с государем «мелочам отнюдь вкусу не давать, а стараться как можно приучить его к делам генеральным и государския великости достойным».⁶

К правителю и даже к члену его семьи было неуместно обращаться с делами частными, а следовательно, и посвящать ему книгу малозначительную, развлекательную. Серьезность темы сочинения, предлагаемого вниманию государя или его наследника, оправдывает «дерзость» непосредственного обращения к нему «всепокорнейшего и всеподданнейшего раба». Своему знаменитому «Рассуждению, какие законные причины его царское величество Петр Первый <...> к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел» П. П. Шафиров предпослал «Дедикацию или приношение» «наследному царевичу» Петру Петровичу, начинавшуюся словами: «Я восприемлю дерзновение Вашему Царскому Высочеству сей малый труд мой к стопам Вашего Высочества принести и Вашей высокой протекции оный подвергнути в той надежде, что хотя мой некрасноречивый слог той милости Вашей и не заслужил, обаче материя, о которой сия книжица писана, такой важности есть, что тот недостаток наградит <...>».⁷

Дедикация Шафирова обращена не к самому Петру I, а к его наследнику — младенцу Петру Петровичу, на которого возлагались большие надежды, вскоре горько обманутые его внезапной

⁶ Семена Порошина записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 25.

⁷ <Шафиров П. П.>. Рассуждение, какие законные причины его царское величество Петр Первый <...> к начатию войны против короля Карола 12, шведского 1700 году имел... СПб., 1717. С. 1. (Курсив мой. — Н. К.).

кончиной. Фактически же текст посвящения представляет собой панегирик Петру I, соотносимый по своему содержанию с предисловиями, прославлявшими государя, и с похвальными речами и стихами в его честь.⁸ Здесь сохраняется, в частности, один из важных традиционных элементов характеристики самодержца — упоминание о его предках:⁹ царях Михаиле Федоровиче, Алексее Михайловиче, Федоре Алексеевиче, о матери царя Наталье Кирилловне. Но важнейший компонент панегирика — восхваление заслуг государя — определяется уже своеобразием самой личности царя-реформатора и его деятельности. Шафиров говорит о победах Петра I, о создании флота, строительстве крепостей и портов, развитии книгопечатания, обновлении быта и т. д. Главным же лейтмотивом остается прославление государя за его заботы о международном престиже страны, о введении ее «в число европейских народов», которые раньше о России «никакой рефлексии и рассуждения не имели». Успешная внешняя и внутренняя политика царя обеспечивает благоденствие его подданных, всей страны в целом. Поэтому в панегирике с его «императорским культом» обсуждаются вопросы, имеющие общегосударственное значение.¹⁰ Обращение же не к самому государю, а его наследнику приобретает двоякий смысл: с одной стороны, автор не хочет «показать (...) себя явственно ласкателем и похлебцом», с другой — похвалы отцу высказываются в назидание сыну, будущему правителю. Одновременно в посвящении выражается надежда на покровительство не только со стороны правящего монарха, но и его преемника. Шафиров просит царственного младенца не только его «малые труды милостиво воспринять», но также его «с малою фамилиею в высокой милости и протекции своей содержать».¹¹ Прием, использованный Шафировым, не остался исключением в русских дедикациях XVIII в., и в течение всего столетия встречаются многочисленные примеры посвящений не самому государю, а его наследнику.

Быстрая смена монархов на русском престоле во второй четверти столетия создавала, казалось бы, определенные трудности для панегиристов. Однако опытные авторы дедикаций справлялись с ними достаточно просто. Характерна в этом отношении практика академического переводчика С. С. Волчкова (1707—

---

⁸ См.: *Małek E.* Panegiryk w życiu literackim Rosji drugiej połowy XVII—początku XVIII wieku // *Zeszyty naukowe wyższej szkoły pedagogicznej w Bydgoszczy. Studia filologiczne.* 1981. Z. 14. S. 5—19.

⁹ См.: *Елеонская А. С.* Русские старопечатные предисловия и послесловия. С. 78—81.

¹⁰ См.: *Живов В. М.* Государственный миф в эпоху Просвещения и его разрушение в России конца XVIII века // *Из истории русской культуры.* М., 1996. Т. 4 (XVIII—начало XIX века). С. 657—683.

¹¹ *Шафиров П. П.* Рассуждение, какие законные причины... С. 10.

1773),¹² который опубликовал более двадцати переведенных им книг, чаще всего с посвящениями царственным особам. Стремясь адресовать свой очередной труд именно тому, кто в данный момент находился на престоле, он не только «приписывал» один и тот же перевод разным монархам, но даже иногда вносил при этом лишь небольшие изменения в самый текст посвящения. Как многие другие литераторы, Волчков нередко готовил рукописный подносный экземпляр с посвящением, надеясь прежде всего на помощь с опубликованием своего труда. Очевидно, еще в рукописи он поднес Анне Иоанновне в 1735 г. свой перевод книги Б. Грасиана-и-Моралеса «Придворной человек», о чем упоминалось в печатном издании, появившемся в 1741 г. с посвящением, но уже не Анне Иоанновне, а правившей в это время Анне Леопольдовне: «С каким всеглубочайшим респектом сей убогой труд Ея Императорскому Величеству в Бозе опочивающей, всепресветлейшей державнейшей великой государыне Анне Иоанновне, императрице и самодержице всероссийской Вашего Императорского Высочества вселюбезнейшей государыне Тетке в прошлом 1735 году мною всенжайшим и последним рабом поднесен, с тем же самым искреннейшим благоговением приемлю дерзновение оной и к Вашему Императорскому Высочеству стопам во всяком подобострастии нисположить; а ко оным и самого себя повергая, в глубочайшей девоции прошу сие всеусердное приношение с природным Вашего Императорского Высочества милосердием всемиловитейше воспрять, что за неизреченную радость и за крайнее благополучие своей жизни со всеглубочайшим подобострастием почитать не престану».¹³ На титуле издания сообщалось: «А напечатана сия книга по всевысочайшему повелению и в первое лето Богом хранимой державы Его Императорского Величества Иоанна III, императора и самодержца всероссийского во время благополучного правления государством Ея Императорского Высочества благоверныя государыни великой княгини и правительницы всея России Анны». Таким образом, должная дань «благоговения» и «подобострастия» воздавалась и малолетнему новому государю, который лишь впоследствии смог бы оценить труд переводчика, и его матери, реальной правительнице. Как известно, ее правление оказалось далеко не «благополучным» и весьма кратковременным. С восшествием на престол Елизаветы Петровны пришлось срочно не только снимать имена свергнутого Иоанна Антоновича и Анны Леопольдовны, но и переадресовывать по-

¹² См. о нем: *Биржакова Е. Э. Волчков С. С.* // *Словарь русских писателей XVIII века*. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 173—175.

¹³ *Грасиан-и-Моралес Б.* Придворной человек, с французского на русский язык переведен (...) С. Волчковым. (СПб.), 1741. С. 4 нenum. В части тиража заменен титульный лист и посвящение.

священие новой государыне. Изменения в тексте дедикации были самые минимальные: они вносились в созданный ранее шаблон: «С каким всеглубочайшим респектом сей убогой труд Ея императорскому Величеству в Бозе почивающей любезной сестре Вашего Императорского Величества великой государыне Анне Иоанновне блаженныя и вечнодостойныя памяти мною нижайшим в прошлом 1735 году поднесен, с тем же самым и еще более преискреннейшим благоговением приемлю дерзновение и к Вашего Императорского Величества стопам во вседолжнейшем подобострастии оной нисположить; а ко оным и самого себя подвергая, всенижайше прошу сие раболепнейшее мое прошение с природным Вашего императорского Величества милосердием всемилостивейше воспрять, что за неизреченную радость и за крайнее благополучие своей жизни со всеглубочайшим подобострастием почитать не престану».¹⁴

Существование шаблона давало возможность составить достаточно нейтральный текст посвящения, включавший необходимые комплиментарные формулы, но не содержащий почти никаких конкретных характеристик адресата: одно имя с легкостью можно было заменить другим. Однако в большинстве дедикаций намечается определенная дифференциация по отношению к предкам и потомкам восхваляемого государя.

Если в старопечатных предисловиях и послесловиях своего рода эталоном для оценки заслуг других, настоящих и будущих, правителей России нередко был киевский князь Владимир, то в посвящениях XVIII в., как в одах и похвальных словах, главным постоянным ориентиром становится Петр I. Известно, какое значительное место занимает тема Петра I в русской одической поэзии, и особенно в одах, обращенных к Елизавете Петровне.¹⁵ Его имя упоминается почти повсеместно и в дедикациях следовавшим за ним правителям и правительницам. Важной их заслугой провозглашается продолжение дел царя-преобразователя, и независимо от адресата посвящения оно нередко вмещает панегирик Петру. Так, в обширном посвящении Екатерине I, которое Гавриил Бужинский предпослал отредактированному им переводу книги С. Пуфендорфа «О должности человека и гражданина» (1726), выполненному И. Кречетовским, дважды повторялось, что «долженствоваше <...> сия книга именем Петра Великого украшена

¹⁴ *Грасиан-и-Моралес Б.* Придворной человек, с французского на русский язык переведен <...> С. Волчковым. (СПб.), 1742. С. 4. Это титульное издание, повторяющее часть тиража предыдущего. Жирным шрифтом мной выделены отрывки, дословно совпадающие с посвящением Анне Леопольдовне.

¹⁵ См.: *Мотольская Д. К.* Петр I в поэзии XVIII в. // Учен. зап. Пед. института им. А. И. Герцена. 1938. Т. 14. С. 129—146; *Серман И. З.* Поэтический стиль Ломоносова. М.; Л., 1964. С. 70—74.

быти»,¹⁶ и большая часть этого посвящения была связана с именем Петра I.

Конечно, родственным узам, связывавшим прославляемого государя с его непосредственными предшественниками, по традиции уделялось немало внимания. Так, в одном из своих посвящений Анне Иоанновне С. С. Волчков восхвалял ее «вселюбезнейшего государя родителя», Иоанна Алексеевича, — «образ природного милосердия, человеколюбия, кротости и щедроты, милости к сирым и милости к бедным; не только на воле сущим, но во узах и в темницах сидящим свободителя; теплаго к Богу молитвенника, пример веры и любви Божия».¹⁷ Но далее следовала еще более восторженная характеристика ее «любезнейшего государя дяди» — Петра I. Волчков называет его «верхом славы нашей, законодателем и отцом всея России, собранием всех совершенств, моделью героичных добродетелей, беспримерным не только в Эвропе, но и от начала света монархом».¹⁸

Удивительный пример явного несоответствия адресата посвящения и содержащегося в нем панегирика обнаруживается в книге «Экстракт Савариева лексикона о коммерции...» (1747), представляющей собой перевод сочинения Ж. Савари де Брюлона. В одной части тиража этой книги посвящение подписано С. С. Волчковым, в другой, позднейшей, — Коммерц-коллегией.¹⁹ Перевод «приписан» Елизавете Петровне, но почти весь текст посвящения состоит из восторженного прославления Петра I и его дел, вдохновленных «верховой добродетелью» великого государя — «любовью к Отечеству». Достаточно подробно повествуя о деятельности Петра I, автор посвящения говорит не только о его воинских подвигах, об основанном им флоте, о его занятиях артиллерией и механикой, интересе к достижениям европейской культуры, но особо — в связи с темой книги — подчеркивает внимание государя к вопросам коммерции и промышленности: «Российскую коммерцию в славу и цветущее состояние привел. Неслыханная до златых своего Величества времен в России мануфактуры основал, а потом собственно монаршею рукою письменно засвидетельствовать изволил, что иностранные народы на российские мануфактуры и фабрики завистными глазами смотрят».²⁰ Лишь в самом кон-

---

¹⁶ *Пуфендорф С.* О должности человека и гражданина... СПб., 1726. С. 10.

¹⁷ Житие и дела Марка Аврелия Антонина цесаря римскаго... С немецкого на российский язык перевел (...) Сергей Волчков в Санктпетербурге в 1738 и 1739 году. СПб., 1740. С. 8.

¹⁸ Там же. С. 9.

¹⁹ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1966. Т. 3. Р—Я. С. 82.

²⁰ *Савари де Брюлон Ж.* Экстракт Савариева лексикона о коммерции по требованию Государственной Комерц-коллегии с французского на россий-

це этого пространного панегирика Петру I вновь появляется обращение к Елизавете Петровне: «Но понеже Ваше Императорское Величество всем вечной славе достойным примерам всеражайшаго Государя Родителя Своего последовать и Его же Величества истинную любовь ко отечеству имея, всю Российскую комерцию хранить и на оную милостиво призирать изволите; того ради сие сокращенное описание о комерции всего света на Российский язык переведенное к ногам Вашего Императорского Величества во всеглубочайшем подобострастии низположить дерзновение приемлет Вашего Императорского Величества Всеподданнейшая Коммерц-коллегия».²¹

Дедикации Волчкова, как правило, были довольно пространными, что не вызывало возражений со стороны академической канцелярии, решительно забраковавшей посвящение В. К. Третьяковского Елизавете Петровне, предпосланное первому тому переведенной им «Аргениды» Дж. Баркли (Баркляя). 21 августа 1750 г. Третьяковский просил канцелярию Академии наук разрешить ему поместить в книге эту дедикацию, ссылаясь на то, что «такие образцы уже от академических служителей действием произведены были».²² Однако после рассмотрения дедикации Третьяковского (ее обсуждали В. С. Крашенинников, М. В. Ломоносов и Н. И. Попов) было рекомендовано переделать текст, в котором «кажутся или ложные мысли, или излишнее ласкательство». Обиженный переводчик справедливо отводил эти обвинения, ссылаясь на примеры «ласкательства» у Ломоносова и утверждал, что его дедикация «исправна и еще в своем роде нежна», но вынужден был выпустить книгу без посвящения. В тексте его дедикации критики отметили такие выражения, как «я последний», «с раболепным страхом», «пресветлые очи Вашего Величества», «трепещу продолжительнейшим отнятием времени прегрешить пред общим добром всему государству Вашему как непрерывно споспешествуемым чрез толь действительное Вашего Величества радение» и т. п. Подобные же формулы нетрудно встретить в посвящениях других авторов, прежде всего того же Волчкова, беспрепятственно продолжавшего публиковать свои дедикации.

ский язык переведена сия книга (...) Сергеем Волчковым, в 1743 и 1744 годах, а рачением (...) Государственной Комерц-коллегии президента (...) Бориса Григорьевича Юсупова (...) напечатана 1747 году. (СПб., 1747). С. 8 нум.

²¹ Там же. С. 10 нум.

²² *Пекарский П.* История императорской Академии наук в Петербурге. СПб., 1873. Т. 2. С. 147—148. См. также: *Алексеева Н. Ю.* Работа Третьяковского над подготовкой издания «Аргениды» Баркляя (в печати). Доклад на эту тему прочитан Н. Ю. Алексеевой в СПбНЦ РАН 13 марта 2003 г. на конференции «Василий Кириллович Третьяковский. К 300-летию со дня рождения».

В 1762 г. появился его перевод книги Ж. Б.-М. Бельгарда «Истинной христианин и честной человек» (1762) с посвящением Петру III. Переводчик упоминал, что он еще в 1743 г. именно Петру Федоровичу «манускрипт» этой книги «со глубочайшим уважением поднести высокую честь имел». Не упоминая о Елизавете Петровне, не говоря уже о других государях послепетровского времени, Волчков подчеркивал преемственность, непосредственно связывающую правление деда и внука: «Который бессмертный бог с Петром Первым был, тот же ныне и со внуком его Петром Третьим есть и вечно будет».²³ Однако в пространным тексте этого посвящения уже не находится места для традиционного прославления «дел Петровых». Всячески превознося такие добродетели нового государя, как благочестие, великодушие и кротость, переводчик обращает внимание на соответствие посвящения содержанию книги: «Где нам, Августейший Император, истиннейшего христианина и честнейшего по свету мужа найти, как не в едином Вашего Императорского Величества христианнейшем сердце?»²⁴ Самые же восторженные слова Волчков находит для выражения благодарности Петру III за его указ о вольности дворянства: «С нас довольно, Всемилостивейший государь, того чудного примера высокой мудрости и бесприкладного великодушия, что Ваше Величество любезному и верноподданнейшему своему дворянству ту дражайшую свободу даровать благоволили, которую оно от начала России не имело. Хотя б благородное и честнейшее российское шляхетство не только золотую, но ежели б и бриллиантовую статуу Вашего Императорского Величества на жемчужном подножии в бессмертный знак приснодолжнейшей своей благодарности поставило; однако не умирающая память в сердцах переменяющихся родов российского дворянства более и крепче всех статуй пребудет».²⁵

Поскольку Петр Федорович уже при Елизавете Петровне официально назывался наследником престола, вполне закономерно, что еще в 1740-е гг. ему делались литературные дедикации как «истинной отрасли Петрова священнейшего семени», по выражению Ломоносова в посвящении «Краткого руководства к риторике» (1744). Эта формула позволяла обратиться к будущему государю с должным пиететом и вместе с тем освобождала от необходимости конкретизировать похвалы. Как и в одах, Ломоносов использовал панегирический жанр прежде всего для развития своей излюбленной темы науки. Упоминание о том, что великий князь в знаниях «охотно упражняться изволит», нужно было для

---

²³ (Бельгард Ж. Б.-М.) Истинной христианин и честной человек. (СПб.), 1762. С. 8 нenum.

²⁴ Там же. С. 5 нenum.

²⁵ Там же. С. 7 нenum.

того, чтобы призвать будущего государя ободрить «к вящему приращению наук в наследной (...) империи».²⁶ Закончив работу над другим своим важнейшим филологическим трудом — «Российской грамматикой», 20 сентября 1755 г., Ломоносов поднес рукопись этого сочинения самому юному претенденту на российский престол наследнику Петра Федоровича — годовалому великому князю Павлу Петровичу. Текст посвящения, оформленный в соответствии с требованиями жанра (с подробным перечислением всех титулов малолетнего «милостивейшего государя», пожеланиями ему от «всенижайшего раба» всяческого благоденствия и т. д.), представляет собой настоящий панегирик, но не адресату, а русскому языку, величие и богатство которого восхваляются в знаменитых строках Ломоносова. Таким образом, обращение к наследнику, а не к правящему государю опять-таки дает писателю большую свободу для развития важной для него темы, причем не личной, но имеющей общегосударственное значение.

С восшествием на престол Екатерины II большинство посвящений в течение ее долголетнего царствования, конечно, было обращено непосредственно к ней. Рассматривая ряд таких дедикаций, А. Варда отметила многие характерные для этого жанра черты, прежде всего стремление представить идеальный образ просвещенного монарха.²⁷ Совершенно справедливо исследовательница обратила внимание на близость таких посвящений панегирической оде с ее пафосом, гиперболизацией и устоявшимися формулами, соответствовавшими хвалебной риторике (уподобление монархини божеству, ангелу, солнцу; упоминание золотого века и т. п.).

Однако едва ли правомерно видеть в этих преувеличенных похвалах прежде всего лесть и лицемерие. В значительной степени это было следование установленному канону, соблюдение определенных правил, необходимых при общении подданного с государем. Еще Г. А. Гуковский писал: «Мы должны уметь читать стихи и прозу XVIII столетия так, как их должны были читать современники; мы не должны придирааться к отдельным словам, а должны научиться улавливать общее направление смысла произведения, и тогда и отдельные слова зазвучат для нас по-иному. Таким образом мы поймем, что монархические „восторги“ од как Ломоносова, так и Сумарокова вовсе не означают, что один из них был „идеологом“ двора Елизаветы Петровны, а другой — „идеологом“

---

²⁶ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. М.; Л., 1952. Т. 7. С. 21. Посвящение было сделано на рукописном подносном экземпляре. См.: Там же. С. 790. (Примечания).

²⁷ Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi w osiemnastowiecznej Rosji. Łódź, 2000. S. 42—52.

двора Екатерины Алексеевны...»²⁸ Это важное наблюдение вполне применимо и к текстам посвящений.

Необходимо также учитывать и давнюю традицию посвящений, адресованных правителям. Русские литераторы нередко подчеркивали эту традицию. Так, В. Г. Рубан, посвящая Екатерине II свой перевод сочинения диакона Агапита (VI в.), обращавшегося к византийскому императору Юстиниану, писал:

Агапит, мудрый муж сей свиток сочинил
И оной своему монарху посвятил —
Сей удостоен труд на свете вечной славы,
Из Греции прешед в ученые державы.
На разны языки в Европе преведен
И в каждой был стране монарху посвящен.
Затем и в росском днесь
Мной предложенный слове
Да будет во Твоем, Монархиня, покрове.²⁹

Характерно и содержание книги: наставления и советы государю, который должен заботиться о нуждах государства и подданных.

А. А. Карев хорошо показал, как много параллелей существовало между словесным и изобразительным искусством при создании парадных портретов Екатерины II.³⁰ Можно констатировать, что, так же как в живописи и в поэзии, в текстах посвящений, предназначенных утвердить идею государственности, канон нередко постепенно начинает служить лишь основным фоном, канвой для создания варьированного, достаточно индивидуального рисунка. Хвалебные дедикации государю необходимо рассматривать в контексте тех сочинений, которые они предваряют. Характерно, например, что Екатерине II посвящен труд известного просветителя Я. П. Козельского.³¹ Текст дедикации, которую он предпослал своему переводу книги К.-Ф. Мозера «Государь и ми-

²⁸ Гуковский Г А Проблемы изучения русской литературы XVIII в // XVIII век Сб 2 М, Л, 1940 С 6

²⁹ Царский свиток, посвященный греческому императору Юстиниану Агапитом Константинопольския Софийския церкви диаконом . На российский язык перевел Василий Рубан СПб, 1771. С 7 нум. В книге помещена гравюра, изображающая коленапреклоненного Агапита с рукописью в руке перед сидящим на троне Юстинианом

³⁰ Карев А А Екатерина II в панегирическом пространстве живописи и поэзии // Русское искусство Нового времени. Исследования и материалы Сб статей М, 1999 Вып 5 С 5—21

³¹ См о нем Степанов В П Козельский Я П // Словарь русских писателей XVIII века СПб, 1999 Вып 2 (К—П) С 91—93

нистр» (1766), сравнительно невелик по объему и содержит достаточно традиционные формулы. Поднося императрице переведенную книгу «с глубочайшим подобострастием», Козельский, в частности, пишет: «Такой мой малый труд хотя и недостоин представления Вашему Императорскому Величеству, однако Матернее Ваше попечение о благополучии своих подданных и о возвращении полезных знаний, и всегда оказываемое Вашим Величеством к трудящимся Высочайшее благоволение, ободрили меня к тому, чтоб посвятить сию книгу Высочайшему Вашему Императорскому Величеству имени». ³² И содержание книги, представляющей образец просвещенного монарха, и предисловие Козельского, обращенное к «благосклонному читателю», с одной стороны, как бы дополняют похвалы «великой и несравненной нашей монархине», а с другой — предлагают ей определенную политическую программу. Так, в предисловии выделяются некоторые важные для переводчика идеи, содержащиеся в книге, в особенности порицание неумеренной роскоши при дворе, «христиан без добродетели» и т. д.

Имя Екатерины II подкрепляет и утверждает значимость самых разных посвященных ей трудов. Среди них «История Российской» В. Н. Татищева (посвящение сына историка — Евграфа Татищева в части 1 книги 1, 1768); «Путешествие по России...» С. Г. Гмелина (1771—1785. Ч. 1—3); журнал Н. И. Новикова «Древняя российская вивлиофика» (1773—1775. Ч. 1—10; 2-е изд. 1788—1791. Ч. 1—20); «Историческое изображение России» (1777) И. Ф. Богдановича; «Поучительные слова» (1779) митрополита Платона (П. Г. Левшина); изданное Новиковым «Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе...» А. П. Сумарокова (1781; 2-е изд. 1787); перевод поэмы Ф. Г. Клопштока «Мессиада», сделанный А. М. Кутузовым, под названием «Мессия» (1785); перевод «Илиады» Гомера, сделанный Е. И. Костровым (1787), и многие, многие другие сочинения, которые по праву могли претендовать на внимание читателей нескольких поколений и оставили достаточно заметный след в истории отечественной культуры. Посвящение императрице выполняло при этом помимо прочего совершенно особую функцию: здесь проявлялась и самооценка труда автора или переводчика, стремившегося представить публике достойное сочинение, глубокое и важное по своему содержанию.

Конечно, такие посвящения сопровождали и мало замечательные и посредственные труды литераторов, которые стремились прежде всего к снисканию монаршей милости. Однако обращение

---

³² Государь и министр, книга, сочиненная господином Мозером. С немецкого языка переведена артиллерии капитаном Яковом Козельским. СПб., 1766. С. 5 нунум.

с дедикацией к Екатерине II, действительно дававшей повод считать ее просвещенной государыней, в отличие от ее непосредственных предшественников и предшественниц, в большей степени позволяло ходатайствовать не только о личной, но и об общественной пользе, о развитии той или иной отрасли науки, о поддержке какого-то учебного заведения. Так, явно по совету наставников юные ученики Коммерческого училища 12—14 лет дерзнули «с глубочайшим усердием» посвятить государыне свой «первый опыт успехов {...} во французском и немецком языках и в переводах с оных» — «Перевод из Энциклопедии о коммерции» (1781; автор статьи — Ф. Верон де Форбонне).³³ В тексте этого посвящения (написанного, впрочем, очевидно, тоже кем-то из наставников) помимо традиционных похвал содержится рассуждение о пользе коммерции и необходимости ее развития для блага России.

Как известно, Екатерина II придавала большое значение литературной и издательской деятельности. Для учрежденного ею в Петербурге Собрания, старающегося о переводе иностранных книг на русский язык (1768—1783), императрица выделяла из своих личных средств пять тысяч рублей ежегодно для вознаграждения переводчиков.³⁴ Кроме того, по непосредственным указаниям и советам государыни осуществлялись многие другие литературные и переводческие труды, о чем свидетельствуют и адресованные ей посвящения. Так, перевод книги Я. Ф. Бильфельда «Наставления политические» предварялся посвящением Екатерине II от имени «всеподданнейшего университета Московского». Здесь, в частности, говорилось: «...коль многое число их (книг. — *Н. К.*) есть, которые не токмо по сочинении или переводе, поднесены будучи Вашему императорскому Величеству, особенного одобрения удостоены, чрез ободрение коим-либо образом трудившихся в них, но еще к сочинению или переводу по собственному Вашему усмотрению избраны и для сего препоручены назначаемым к тому людям. Причем всякой чувствует, что избрание толь просвещенная монархини, о просвещении верноподданных своих пекущаяся, не может притти на посредственные произведения разума, но что оным должно быть превосходным в сем роде. Таким по справедливости названо быть может содержание сих Наставлений политических, которые Ваше Императорское Величество, по проницательном усмотрении достоинства их и преимущества между прочими такого рода сочинениями, в переводе с французского подлинника на русский язык иметь и ко всенарод-

³³ См.: Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725—1800. М., 1963. Т. 1. А—И. С. 155.

³⁴ См.: Семенников В. П. Собрание, старающееся о переводе иностранных книг, учрежденное Екатериной II. 1768—1783 гг. СПб., 1913. С. 6.

ной пользе в печать изданное видеть собственным своим побуждением возжелать соизволили».³⁵

Если какой-то труд осуществлялся по приказу самой императрицы, вполне закономерно, что ее имени он и посвящался. Примером может служить сочинение профессора Московского университета Ф. Г. Дильтея,³⁶ изданное на латинском языке («*Elementa juris cambialis...*», Moscvae, 1768), затем переведенное по высочайшему повелению на русский и выдержавшее несколько изданий: «Начальные основания вексельного права» (1768; 2-е изд. 1772; 3-е изд. 1781; 4-е изд. 1787). В обширной дедикации Екатерине II подробно говорилось о ее заслугах в сфере законодательства. Это был непосредственный, хотя и несколько запоздалый, отклик на созыв знаменитой Комиссии для сочинения нового Уложения (Уложенной комиссии, созданной Екатериной II в 1767 г., а в конце 1768 г. фактически почти уже распущенной под предлогом начавшейся войны с Турцией). Дильтей писал свою дедикацию, очевидно, еще в период, когда работа Комиссии была в полном разгаре: «Одно мне еще из всех Ея достопамятнейших дел достойнейшее доказательство остается принять в рассуждение, то есть начатое новое Уложение. <...> Но пусть воскреснет ныне сам Юстиниан и уступит преимущество Премудрой Екатерине, которая на его в столь глубокой древности оставленного взирает. Ибо Юстиниан свое старание при собирании и устройении законов препоручив другим надежным, можно сказать, людям и законоискусным, довольствуясь славою той, что его приказанием все делаемо было. Но Российская Законодательница Екатерина II сама собственными трудами, почерпая наставление чтением и довольное законоискусство опытом, не одним, как Юстиниан, повелением делает все, но Сама в издании, собирании и в порядочном законов расположении неусыпно трудится. Для такого предприятия сама бесчисленное прочла, премного собственною рукою пишет, и своим пронизательным дарованием все рассматривает. Учрежденную при нынешних благоприятных обстоятельствах комиссию для сочинения Нового Уложения часто своим высочайшим присутствием ободряет и всех депутатов подобною своей ревностью к народной пользе воспламеняет».³⁷ В последующих изданиях пе-

³⁵ Наставления политические барона Билфелда. Переведены с французского языка князь Федором Шаховским. М., 1768. Ч. 1. С. 6—7 нenum. Часть 2 (М., 1775) переведена А. А. Барсовым.

³⁶ См. о нем: <Шевырев С. П.> Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Московского университета. М., 1855. Ч. 1. С. 301—311; Университет для России: Взгляд на историю культуры XVIII столетия. М., 1997. С. 184—187. (Автор главы — А. Ю. Андреев).

³⁷ Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права... Переводили с латинского юриспруденции студенты Борзов и Артемьев под смотрением доктора Десницкого. М., 1768. С. 10—11 нenum.

реведенный с латинского русский текст посвящения подвергся некоторой правке, исключительно стилистической, но панегирик законодательнице был полностью сохранен, несмотря на то что работа Комиссии давно уже была фактически прекращена. Вместе с тем со второго издания в книгу включалась следующая за посвящением Екатерине II «Епистола», обращенная к генерал-прокурору князю А. А. Вяземскому, который оказывался своеобразным посредником между автором книги и императрицей. Обращаясь к нему, Дильтей писал: «Счастливы бы я был, ежели бы сия книга и сочинитель оной удостоены были посредством Вашего сиятельства милостивого ходатайства толь великой монархини благоволения».³⁸ В этом «вторичном» посвящении, адресованном вельможе, близкому к императрице, обстоятельно и деловито излагались вполне конкретные просьбы, связанные с нуждами Юридического факультета и «пользой общественной». Замечательно, в частности, что профессор Московского университета просил дозволения напечатать на свой собственный счет «или другого кого частного человека кошт» «Сводное Уложение и новоположенные статьи», прибавляя: «...от чего впоследствии, что российские законы, в манускриптах находящиеся, которых и по сие время я сам никак не мог приискать, будут с прилежностью читаны».³⁹ Соблюдая все необходимые каноны панегирического посвящения сильным мира сего, автор стремился все же отстоять интересы дела, которому служил.

А. И. Мусин-Пушкин писал, посвящая Екатерине II свою книгу «Историческое исследование о местоположении древнего Тмутараканского княжения» (1794): «Всемилодивейшая государыня! Твое исполняя веление, я сие исследование предприял; Твоим мудрым наставлением обогащаем, продолжал; Твоим Высоким покровом осеваем, тиснению предал; Твоему же Священнейшему имени труд мой и посвятить дерзаю».⁴⁰ Характерно, что здесь, как и в ряде других посвящений, писатель, следуя древнерусской традиции, обращается к государю на «Ты», подчеркивая отношение монарха (монархини) к подданным, как отца (матери) к детям (при обязательной формуле «Ваше Императорское высочество»).

Правление Екатерины II постоянно сопоставлялось панегиристами с эпохой Петра I, что приобретало особый смысл для «чужеземки», свергнувшей с престола его внука, законного госу-

---

³⁸ Дильтей Ф. Г. Начальные основания вексельного права... 2-е изд. М., 1772. С. 18 нenum.

³⁹ Там же. С. 19 нenum.

⁴⁰ Мусин-Пушкин А. И. Историческое исследование о местоположении древнего российского Тмутараканского княжения. Издано по Высочайшему Ее Императорского Величества повелению. СПб., 1794. С. 5 нenum.

даря.⁴¹ Параллель «Петр I—Екатерина II», ставшая общим местом (задолго до открытия монумента Э. Фальконе) в хвалебных одах и произведениях изобразительного искусства, широко использовалась и в адресованных ей дедикациях, прославлявших «истинную и достойнейшую наследницу скипетра Петра Великого». Так назвал Екатерину II Евграф Татищев, посвящая ей многолетний труд своего отца В. Н. Татищева — «Историю Российскую». Автор дедикации писал: «Петр Великий открыл своему народу путь к просвещению снисканием способов приобрести оное внутри пределов своего отечества. Ваше Императорское Величество не токмо преславным Его делам подражаете, но еще и присоединяете ежедневно разные средства к удобнейшему желаемого конца достижению».⁴² П. А. Демидов обращался к государыне, посвящая ей свой «Каталог растениям»: «Угодно было Всевышнего промыслу благословить дом Великого Петра дарованием ему в наследие священнейшую особу Вашего Императорского Величества, чрез которую Россия сделалась преславнейшею и счастливейшею из царств земных».⁴³

Не меньшее значение, особенно в первые годы после ее восшествия на престол, имело напоминание о том, что Екатерина II — мать правнука Петра I — великого князя Павла Петровича, ею же провозглашенного наследником российского престола. Эта идея преемственности получала постоянное отражение и в текстах посвящений. Вместе с тем они позволяют проследить, как с течением времени существенно менялись акценты в оценке роли монархини и великого князя, так долго ожидавшего своего воцарения.

Как уже говорилось, посвящения Павлу Петровичу адресовались еще в годы его младенчества, при Елизавете Петровне. После переворота 1762 г., когда имя его отца Петра III всячески замалчивалось, Павел оставался единственным наследником престола, кровно связанным с Петром Великим, и это обстоятельство усиленно подчеркивалось в панегириках, обращенных к Екатерине II. Она предстала как заботливая мать и наставница правнука великого реформатора. Характерно также, что при традиционном перечислении всех титулов на особой странице перед текстом дедикации неизменно упоминалось, что Павел Петрович «наследник

---

⁴¹ См.: *Rusmussen K. Catherine II and the Image of Peter I // Slavic Review.* 1978. V. 37. P. 51—69; *Карев А. А.* Екатерина II в панегирическом пространстве живописи и поэзии. С. 7, 11—12.

⁴² История российская с самых древнейших времен неусыпными трудами через тридцать лет собранная и описанная покойным (...) Васильем Никитичем Татищевым. М., 1768. Кн. 1. Ч. 1. С. 6 нум.

⁴³ Каталог растениям, по алфавиту собранным (...) находящимся в Москве в саду (...) Прокофья Демидова. М., 1786. С. 4 нум. (Текст параллельно на русском и французском языках).

всероссийского императорского престола) (или «благоверный государь наследник», «наследник всея Российской империи», «высокий наследник Всероссийския империи»).

Ф. Г. Дильтей, сумевший по приезде в Россию сделать неплохую карьеру и отличавшийся своим прагматизмом,⁴⁴ поспешил свой очередной труд «Первые основания универсальной истории», начавший выходить в 1762 г. на русском и французском языках, «приписать» восьмилетнему Павлу Петровичу. Одновременно текст дедикации включал самые восторженные похвалы Екатерине II, и предлагалась следующая схема исторической преемственности: «Из российской истории нынешнего века видим мы, что в предварителях нашей августейшей императрицы были два великие государи: Петр Великий и Великая Елисавет, его дочь, коих стопам последовать Екатерина II августейшая родительница Вашего Высочества за славу себе поставляет <...> Такая-то, пресветлейший государь, славная кровь наполняет Ваши жилы: какую надежду приемлет себе от того отечество? Всевышний да исполнит искренние его желания; да сохранит Ваше Высочество и защитит, дабы дражайшая та Петра Великого кровь Вами утвердилась на Всероссийском императорском престоле».⁴⁵

Платон (П. Г. Левшин), наставник Павла Петровича в Законе Божием, посвящая своему царственному ученику написанную специально для него книгу «Православное учение...» (1765), называл среди его «пресветлейших предков» в первую очередь Петра I, затем напоминал, что Павел — «сын премудрыя государыни, в лице которыя, яко в чистом зеркале, сияет весь лик добродетелей к благополучию России» и, наконец, что он был воспитан «на благочестивых руках блаженныя Елисаветы».⁴⁶

Однако очень скоро имя Елизаветы Петровны начало исчезать из перечня достойнейших царственных предков цесаревича. Во многих посвящениях ему называлась и осыпалась всяческими похвалами только Екатерина II, «всех нас общая мать, которая ныне так единодержавствует, что не от скиптра себе красоту получает, но скиптр собою украшает», как писал обер-секретарь Синода Стефан Писарев.⁴⁷ Используя давний, испытанный прием, некоторые литераторы обращались к Павлу Петровичу лишь для

⁴⁴ См.: Университет для России. С. 184—187.

⁴⁵ <Дильтей Ф. Г.> Первые основания универсальной истории с сокращенною хронологиею, в пользу обучающегося российского дворянства. М., 1762. Ч. I. С. 11 нум.

⁴⁶ Православное учение, или Сокращенная христианская богословия <...> сочиненная Его императорского Высочества учителем иеромонахом Платоном. СПб., <1765>. С. 17 нум.

⁴⁷ <Катиборо А.> Священная история Ветхого и Нового завета <...> С греческого на российский язык Святейшего Правительствующего Синода обер-секретарем Стефаном Писаревым переведенная. СПб., 1763. С. 8 нум.

того, чтобы еще искуснее сочинить панегирик царствовавшей императрице. Конечно, самый жанр отчасти обязывал к похвалам Екатерине II.

В несколько сложном положении оказался литератор И. А. Владыкин, который своими сочинениями упорно стремился найти высокое покровительство.⁴⁸ «Поэму на похвалу истины», написанную им в 1760 г., он, очевидно, тогда же сопроводил дедикацией Павлу Петровичу. Называя основные титулы своего адресата, Владыкин присовокупил: «правнуку государя императора Петра Великого». Примечательно, что в стихотворном тексте посвящения Екатерина II вообще не упоминалась, и панегирик Павлу строился лишь на его уподоблении Петру I:

...Ты кровь ведешь от царских недр;
Но как орел вверх взлетая,
О Павел, делом подражая,
Таков будь, как Великий Петр!

Премудрый, храбрый сей Герой,
В трудах всю жизнь препровождая
И злобу сильно поражая,
Презрел жизнь сладку и покой!
Для россов труд понес нетрудно!
Возвысил в честь Россию чудно!
В сем наших искренность сердец
Теперь, о Павел, веселится,
Что Петр Тобой к нам возвратится,
Твой Прадед, Царь наш и Отец!⁴⁹

Издать свою поэму Владыкин сумел только через пять лет после ее написания в 1765 г., когда уже царствовала Екатерина II. Предприимчивый сочинитель поместил в конце книги небольшое дополнение — «Краткое изъяснение о истине вообще, для лутчего читателям понятия, употребления и удовольствия, к предыдущей на похвалу истины поеме последующее». Этому «изъяснению» было предпослано еще одно прозаическое посвящение Павлу Петровичу. Здесь, продолжая сопоставлять Павла с Петром I, Владыкин вместил и восторженный панегирик правящей монархии: «достойный подражания пример» — «премудрого, правосудного и человеколюбивейшего государствования прекрасной образ, бессмертия достойный».⁵⁰

⁴⁸ О нем см.: Николаев С. И., Степанов В. П. Владыкин И. А. Словарь русских писателей XVIII века. Л., 1988. Вып. 1 (А—И). С. 160—163.

⁴⁹ Поэма на похвалу истины; на обличение лжи, на подкрепление и утешение христиан... Сочиненная чрез Ивана Владыкина в 1760 году. СПб., 1765. С. 5—6 нenum.

⁵⁰ Там же. С. 40.

Напоминание о Петре Великом имело двоякий смысл: с одной стороны, утверждалась столь важная в политике Екатерины II идея преемственности, с другой — это было завуалированное поучение и ей, и будущему правителю. Именно так можно рассматривать дедикацию Я. П. Козельского в переведенной им книге Э. Шюффена «История славных государей и великих генералов» (1765). Переводчик упоминал, что сам автор также посвятил свой труд Павлу Петровичу,⁵¹ но текст французского «*épitre*» он использовал минимально. Обращаясь к цесаревичу, Козельский рассуждал о свойствах истинно «великих людей», которые «вместо искания суетной славы от войн и побед, часто с неправдою соединенных, имели попечение о благополучии человеческого рода и делали ему всевозможные благодеяния»⁵² В качестве примеров наследнику престола предлагаются «бессмертная памяти достойный прадед» Петр I и «дражайшая родительница», «которая полагает все свое удовольствие в благополучии своих подданных». Тема Петра I получает, однако, свое продолжение в следующем за посвящением «Предисловии к читателю от трудившегося в переводе». Здесь говорится, что «сей премудрый монарх был герой (т. е. воин. — *Н К*) по принуждению и по причине властолюбия своих соседей, а не по охоте.»⁵³ Таким образом, Козельский стремится внушить юному наследнику представление о «прямой великости» и отвлечь его от увлечения победоносными завоеваниями, что едва ли могло понравиться правящей монархине.

В начале 1770-х гг., с приближением совершеннолетия Павла Петровича, все сильнее становились надежды на его воцарение в кругах, оппозиционно настроенных по отношению к правительству Екатерины II, особенно в окружении воспитателя наследника престола Н. И. Панина. Слухи о возможных скорых политических переменах распространялись достаточно широко. Своеобразный политический подтекст имело написанное Д. И. Фонвизиним «Слово на выздоровление Его Императорского Высочества государя цесаревича и великого князя Павла Петровича в 1771 году». Конечно, необходимые и даже самые восторженные похвалы были здесь высказаны и в адрес Екатерины II. «Ты не будешь от-

---

⁵¹ См. *Choffin D E Nouvel abregé de la vie de divers princes illustres et des grands capitaines* A Halle, 1763, *Choffin D E Abregé de la vie de divers princes illustres et des grands capitaines* Nouvelle édition, corrigée et augmentée A Halle, 1764 Экземпляр второго издания, хранящийся в РНБ (шифр 12 4 7 77), имеет владельческую надпись «Daschkow» и, очевидно, принадлежал Е. Р. Дашковой, на что указал В. А. Сомов в докладе, прочитанном на заседании Сектора по изучению русской литературы XVIII в. ИРЛИ РАН 25 января 2001 г.

⁵² История славных государей и великих генералов ( ) собранная г. Шофиним ( ) а с французского языка переведенная ( ) Яковом Козельским СПб., 1765 С. 6 нenum

⁵³ Там же С. 13 нenum

лучена от слова сего, о великая монархиня, мать чадолюбивая, источник славы и блаженства нашего!»⁵⁴ Нарисовав трогательную картину, изображающую встревоженную мать у постели больного сына, писатель далее говорил о заслугах его воспитателя, который «вкоренил в душу его те добродетели, кои составляют счастье народа и должность государя».⁵⁵ В 1771 г. «Слово» было опубликовано отдельным изданием, а в 1772 г. перепечатано Н. И. Новиковым в журнале «Живописец».

Примечательно, что в том же 1771 г., когда появилось упоминание выше сочинение диакона Агапита, обращенное к императору Юстиниану, в переводе В. Г. Рубана с дедикацией Екатерине II, вышел (также в Петербурге!) и другой перевод этого же сочинения, выполненный С. И. Писаревым и посвященный «императорского престола высокому наследнику» Павлу Петровичу.⁵⁶

В 1772 г. было напечатано сочинение И. А. Дмитриевского «Непостижимость судьбы, аллегоричный пролог, на случай вожделенного и всерадостного от болезни освобождения Его Императорского Высочества государя цесаревича и великого князя все-российского». В этом контексте приобретает особый смысл и посвящение именно Павлу Петровичу, которое Новиков предпослал своему знаменитому «Опыту исторического словаря о российских писателях» (1772). Повторяя традиционные панегирические формулы, Новиков включил в текст дедикации и несколько сентенций, достаточно общих, но как бы намечающих программу для будущего правителя: «Счастливо то государство, которым владычествует государь премудрый; благополучна та страна, кою управляет государь философ; блаженны те народы, коих самодержцы и благословенные их отрасли науки насаждают, распространяют и укореняют; а упражняющихся во оных ободряют, поощряют и покровительствуют».⁵⁷ В унисон этим пожеланиям звучало и посвящение Павлу Петровичу, сопровождавшее осуществленный

⁵⁴ Фонвизин Д. И. Собр. соч.: В 2-х т. М.; Л., 1959. Т. 2. С. 187.

⁵⁵ Там же. С. 191.

⁵⁶ *Агапит*. Изложение глав или статей увещательных греческому императору Юстиниану, поднесенное Константинопольския соборныя церкви диаконом. Переведено с еллиногреческого языка статским советником С. Писаревым. СПб., 1771. Писарев еще ранее посвятил Павлу Петровичу переведенную им книгу А. Катифоро «Священная история Ветхого и Нового Завета» (СПб., 1763) и писал в дедикации, что в лице Павла «вся Россия ожидает видеть монарха, достойного такой империи, коя сколько пространством, обилием вещей и всеми преимуществами, европейским государствам свойственными, столько благочестием над прочими есть славною» (с. 6 нenum.). О С. И. Писареве см.: Николаев С. И. Писарев С. И. // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2 (К—П). С. 437—438.

⁵⁷ Опыт исторического словаря о русских писателях. Собрал Николай Новиков // Ефремов П. А. Материалы для истории русской литературы. СПб., 1867. С. 4.

Андреем Львовым перевод книги А. де Гевары «Часы правителей» — «Золотые часы государей» (1773—1780. Ч. 1—4).⁵⁸ Перевод первых двух частей был опубликован Новиковским Обществом, старающимся о напечатании книг, и через Г. В. Козицкого поднесен Новиковым Екатерине II.⁵⁹ Разумеется, она упоминалась в тексте дедикации, однако обращаясь непосредственно не к ней, а к Павлу Петровичу, Львов писал: «Рассуждая же по важности материи и титула, не нахожу, кому бы она (книга. — *Н. К.*), кроме Вашего Императорского Высочества особы, приличнее посвящена быть могла».⁶⁰ Конечно, эта фраза не мешала тому, что книга могла быть поднесена и императрице: ведь традиция давно уже узаконила посвящения наследнику престола. Тем не менее важно учитывать, что книга издавалась в самый разгар политической борьбы при дворе, когда в связи с женитьбой Павла Петровича отстранялся его наставник Н. И. Панин и становилось очевидно, что Екатерина II не собирается уступать власть сыну, достигшему совершеннолетия.

Стали появляться посвящения Павлу Петровичу, в которых он назывался «законным всероссийского престола наследником» (выделено мной. — *Н. К.*). Такая формулировка встречается в посвящении В. Наумова, предпосланном 2-му изданию (1774) его перевода книги Ж.-Б. Боссюэ «Всеобщая история»,⁶¹ адресованной в свою очередь «наследнику французской короны». В традиционном перечислении и характеристике достойнейших предков будущего государя на первом месте, разумеется, был «вечной славы достойная память» Петр I, затем упоминалась «матернее владение» Елизаветы Петровны и, наконец, говорилось о Екатерине II как продолжательнице дел Петра.

Имени Екатерины II совсем не оказалось в тексте дедикации «законному всероссийского престола наследнику» Аполлоса (А. Д. Байбакова) в переведенном им с латинского языка курсе лекций И. Г. Рейхеля и изданном в 1775 г. под названием «Краткое руководство к познанию натурального, церковного, политиче-

⁵⁸ О книге и ее переводчице см.: *Рак В. Д.* «Часы правителей» в русских переводах XVIII в. // Сервантесовские чтения. Л., 1985. С. 15—19; *Степанов В. П.* Львов (Львовский) А. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 (К—П). С. 241—242.

⁵⁹ См.: *Письма Н. И. Новикова*. СПб., 1994. С. 8.

⁶⁰ Золотые часы государей, по образцу жития Марка Аврелия Севера, славнейшего императора и премудрейшего философа. С латинского на русский язык перевел Андрей Львов. СПб., 1773. Ч. 1. С. 6 нум.

⁶¹ Интересно отметить, что 1-е издание этого перевода, вышедшее под названием «Разговор о всеобщей истории» (М., 1761—1762. Ч. 1—4) не имело посвящения, так же как и выполненный тем же В. Наумовым перевод «Продолжение всеобщей истории...» (СПб., 1789). О В. Наумове см.: *Николаев С. И.* Наумов Василий // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 2 (К—П). С. 332.

ского, экономического и учебного состояния некоторых знатнейших европейских государств». Профессор Московского университета Рейхель, которого Аполлос называл своим «почитаемым учителем и благодетелем», ранее был также одним из наставников Фонвизина, а в 1762 г. написал весьма положительную рецензию на фонвизинский перевод просветительского романа Ж. Террассона «Сетос» — «Геройская добродетель, или Жизнь Сифа, царя Египетского». ⁶² Аполлос же, отличавшийся своей образованностью и известной независимостью мысли, впоследствии многие свои сочинения издавал в типографии Новикова. ⁶³ Таким образом, можно заметить, что в определенных литературных кругах в начале 1770-х гг. посвящения Павлу Петровичу имели подчеркнутый характер и иногда косвенным образом, очень осторожно выражали неудовлетворенность существующим порядком вещей.

Правда, все это могло сочетаться с обращениями тех же литераторов и к самой монархине. Задумав издание «Древней российской вивлиофики», в 1773 г. Новиков через Г. В. Козицкого просил императрицу дать согласие на посвящение ей этого журнала, который она поддержала материально. ⁶⁴ К титульному листу был приложен текст дедикации с запиской Козицкого: «Издатель сей книги, которой заглавие здесь приложено, просит всеподданнейше высочайшего дозволения на посвящение оныя всеавгустейшему Вашему Императорскому Величеству имени». Текст гласил: «Ея Величеству Екатерине Великой императрице и самодержице всероссийской истинной матери отечества, законодательнице премудрой, победительнице врагов империи Российския на земле и на море, распространительнице славы российской, воскресительнице мус, покровительнице наук и художеств, защитнице правосудия и истинны и содетельнице блаженства российского, сие издание со всеглубочайшим почтением посвящает в новый 1773 год всеподданнейший раб Николай Новиков». С присущим ей умом и лукавством Екатерина II ответила следующее: «Мой совет есть, если автор мне приписать хочет свое издание, то вымарать из тителя все то, что свету показаться может ласкательство, я подчеркнула на титуля все излишество». ⁶⁵ Если Новиков не ску-

---

⁶² См.: История русской переводной художественной литературы. Древняя Русь. XVIII век. СПб., 1995. Т. 1. Проза. С. 149, 155—156. (Автор главы — Ю. Д. Левин).

⁶³ См.: Степанов В. П. Байбаков А. Д. (Аполлос) // Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 1 (А—И). С. 48—52.

⁶⁴ Об отношении Екатерины II к Новикову см.: Степанов В. П. Новиков Н. И. // Там же. С. 363—376; Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой. М., 2002. По указателю.

⁶⁵ Летописи русской литературы и древности. 1862. Т. 4. Отд. 3. С. 40—41. Выделенные курсивом слова в публикации даны в скобках, что, очевидно, означает подчеркнутое Екатериной II как «излишество».

пился на похвалы, используя ходовые формулы бесчисленных панегириков, то императрица, демонстративно отвергая эти дежурные дифирамбы, давала повод еще больше восхищаться ее просвещенным нравом и благородством, причем в тот период, когда репутации ее грозила серьезная опасность, и вместе с тем не отвергала посвящения, которое и появилось в печати с отмеченными ею сокращениями. Почти дословно текст этого посвящения в 1781 г. был повторен Новиковым и в его издании «Полного собрания всех сочинений» А. П. Сумарокова: «Ея Величеству Екатерине II императрице и самодержице всероссийской сие издание со всеглубочайшим почтением посвящает всеподданнейший раб Николай Новиков».⁶⁶ Примечательно, однако, что спустя немало лет, выпуская второе издание «Древней российской вивлиофики», в 1788 г. Новиков вновь посвятил журнал Екатерине II, причем вставил несколько отвергнутых когда-то ею похвальных эпитетов: «Ея Величеству всепресветлейшей Екатерине Великой, императрице и самодержице всероссийской, премудрой законодательнице и истинной отечества матери, сие второе издание посвящает всеподданнейший Николай Новиков».⁶⁷

В 1780—1790-е гг. продолжали выходить книги с посвящениями и Екатерине II, и Павлу Петровичу, наполненные еще более восторженными и изощренными похвалами, но обращенными преимущественно к правящей монархине. Появляются также дедикации царственным внукам — Александру Павловичу и Константину Павловичу, воспитанием которых, как известно, занималась сама императрица. Постепенно для многих уже становилось ясно, что именно эти великие князья — более вероятные преемники престола, чем Павел Петрович.⁶⁸ Неудивительно поэтому, что в адресованных им посвящениях имя отца даже не упоминалось. Так, И. С. Захаров, переводчик книги Ф. Фенелона «Странствовании Телемака, сына Улисса» (1786), обращаясь к Александру и Константину, писал: «Милостивейшие государи! Фенелон сочинил книгу сию в наставление наследнику французского престола, кому ж приличнее посвящу оную переведенную на российский язык, как не вам, благоверные князи?»⁶⁹ П. Л. Вельяминов обра-

---

⁶⁶ Полное собрание всех сочинений в стихах и прозе покойного (...) Александра Петровича Сумарокова. Собраны и изданы (...) Николаем Новиковым. М., 1781. Ч. 1. С. 3 нenum.

⁶⁷ Древняя российская вивлиофика. Изд. 2-е. 1788. Ч. 1. С. 3 нenum. Жирным шрифтом выделены формулы, повторяющие текст посвящения к первому изданию.

⁶⁸ См.: Шильдер Н. К. Император Александр I, его жизнь и царствование. СПб., 1897. Т. 1; Павел I. Собрание анекдотов, отзывов, характеристик, указов и пр. / Сост. А. Гено и Томич. СПб., 1901. С. 68—72.

⁶⁹ Странствовании Телемака, сына Улисса. Творение архиепископа Фенелона. Вновь переведенное И. Захаровым. СПб., 1786. Ч. 1. С. 5 нenum.

щался к ним же: «Милостивейшие государи! Мудрое воспитание, ведущее Ваши Высочества ко славе, а нас ко счастью, не имеет нужды в примерах похвальных: оные все в одном и всегда видимом Вами предмете заключаются».⁷⁰ Переводчик Синода И. И. Дмитревский, адресовавший им свой перевод «Политических речей» Исократа (1789), всячески прославлял «попечительнейшую нашу мать Отечества», но ни словом не упомянул о ее сыне и отце великих князей.

Разумеется, с восшествием на престол Павла I хлынул поток приветственных стихов и речей в его адрес, книги посвящались одна за другой. Уже в конце 1796 г. Л. И. Голенищев-Кутузов, пользовавшийся, как и его отец И. Л. Голенищев-Кутузов,⁷¹ расположением Павла Петровича, посвятил ему свой перевод «Путешествия...» Дж. Кука, который в рукописи был им преподнесен Екатерине II: «Ея императорскому Величеству блаженныя памяти августейшей матери Вашего императорского Величества благоугодно было в прошедшем годе, удостоив перевод мой сей всемилостивейшего принятия, повелеть мне оный продолжать и напечатать: ныне, оконча печатание первой части {...} осмеливаюсь с благоговением поднести Вашему императорскому Величеству книгу сию...»⁷²

Снова с особой силой зазвучала тема Петра I, прадеда и правнука. Среди изданий с дедикациями новому государю особый интерес представляет известный труд И. И. Голикова «Дополнение к деяниям Петра Великого» (1790—1797. Т. 1—18).⁷³ Первый том труда, так же как и «Деяния Петра Великого» (1788—1789. Ч. 1—12), не имел никакого посвящения, но вопреки обыкновению сопровождался дедикацией отнюдь не формального характера, выражавшей, по всей видимости, искренние чувства автора, видевшего в Павле I возможного истинного продолжателя дел Петровых. Голиков писал: «Объят будучи восторгом удивления делам Петра Первого и водим чувствами благодарныя России к толь мудрому преобразителю ея, дерзнул я собрать и издать в свет Деяния Великого сего государя и в предлежавшем мне подвиге достиг своей цели в то вожделенное время, в которое, по благоволению судеб Вышнего, на всероссийский престол восшел

---

⁷⁰ Нума Помпилий. Сочинение г. Флориана, переведенное с французского Петром Вельяминовым. СПб., 1788. Ч. 1. С. 5 нenum.

⁷¹ См.: *Лепехин М. П.* 1) Голенищев-Кутузов И. Л. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 (А—И). С. 200—203; 2) Голенищев-Кутузов Л. И. // Там же. С. 203—204.

⁷² Путешествие в южной половине земного шара {...} под начальством капитана Иакова Кука. СПб., 1796. Ч. 1. С. 5 нenum.

⁷³ См.: *Плюханова М. Б.* Голиков И. И. // *Словарь русских писателей XVIII века*. Вып. 1 (А—И). С. 207—209; *Мезин С. А.* *Русский историк И. И. Голиков*. Саратов, 1991.

всепресветлейший его правнук (...) При окончании тридцатого и последнего тома трудов моих, взыграл я духом радости и оживотворился упованием, что украсятся и уважатся оные высочайшим и любезнейшим России именем Павла Первого». ⁷⁴

Очень скоро, однако, стало ясно, что надежды на нового государя как достойнейшего продолжателя дел Петра I не оправдываются. В посвящениях Павлу I, так же как в панегирических речах и одах, главными его заслугами стали провозглашаться «крепкое ограждение христианского благочестия», «защита и покров священныя истинны». ⁷⁵ Книги религиозно-нравственного содержания посвящались ему как «освободителю вселенныя от горьких плодов безбожия, безверия, беззакония и разврата — и восстановителю веры, благочестия, законов и благонравия». ⁷⁶

В этих посвящениях уже не упоминалось ни о его предшественнице, ни о других предках. Идея преемственности оказывалась скомпрометирована самими политическими событиями, развивавшимися так стремительно, что перед авторами посвящений возникали новые задачи. Дедикация принимала иногда характер злободневного политического документа. Так, публикуя «Благодарное молебствие ко Всевышнему Богу о здравии государя императора Павла Петровича» (1799), архиепископ «армянского народа, в России обитающего», Иосиф (князь Аргутинский-Долгоруков) в дедикации государю говорил не только о своем «беспредельном усердии и верноподданнической преданности», но и о «благотворительной народолюбивости армянского благодарности». ⁷⁷

Драматические события, связанные с убийством Павла I, получили косвенное отражение в посвящении одного из многотомных изданий, появившихся на рубеже веков. По согласованию с Павлом I было предпринято второе издание труда И. Арндта «О истинном христианстве» в переводе известного масона И. П. Тургенева (впервые опубликован в 1785 г.). За издание взялся купец Н. Н. Кольчугин, но не успел выпустить этот труд при жизни государя. Поставив на титуле 1800 г., издатель предварил книгу посвящением Марии Федоровне. Восхваляя здесь ее «ангельскую кротость нрава и характера», Кольчугин писал: «...дерзаю посвятить августейшему имени Вашего Императорско-

---

⁷⁴ Голиков И. И. Дополнение к Деяниям Петра Великого. М., 1797. Т. 18. С. 5—6 нenum.

⁷⁵ Михаил (Десницкий М. М.) Труд, пища и покой духа человеческого. СПб., 1799. Кн. 1. С. 5—6 нenum.

⁷⁶ Лабзин А. Ф., Вахрушев А. История Ордена святого Иоанна Иерусалимского. СПб., 1799. Ч. 1. С. 14 нenum.

⁷⁷ Иосиф (Аргутинский-Долгоруков). Благодарное молебствие ко Всевышнему Богу о здравии государя императора Павла Петровича (...). В торжественные дни от армянского народа, обитающего в России, Араратской стране, Грузии и Индии, всеусердно приносимое. СПб., 1799. С. 6 нenum.

го Величества сию издаваемую мной книгу О истинном христианстве — творение, на второе печатание которого последовало и всевысочайшее соизволение любезнейшего супруга Вашего, в Бозе почивающего государя императора Павла Первого».⁷⁸

Таким образом, в русской литературной практике на протяжении всего столетия сохранялся обычай посвящать печатные издания государю или члену царской семьи. Но эпоха дворцовых переворотов создавала при этом немало неожиданных трудностей, которые приходилось по-своему преодолевать каждому автору дедикации. Существование панегирического шаблона всегда помогало выходить из любой сложной ситуации. Поэтому адресат множества таких посвящений достаточно безлик, особенно если учитывать, что похвалы, расточавшиеся царственной особе, могли относиться не столько к реальным достоинствам, сколько к желаемым.⁷⁹ Тем не менее самые выдающиеся русские государи столетия, в первую очередь Петр I и в известной степени Екатерина II, получали в посвящениях более конкретные характеристики; упоминались их военные победы, законодательная и просветительская деятельность и т. д. Как свидетельствуют приводившиеся выше примеры, значимым было и перечисление царственных предков (также и умолчание о них), обращение не к царствующему монарху, а его наследнику, выбор между возможными претендентами на престол. Построенные по законам панегирика, дедикации часто составляли единое целое с текстом посвящаемого произведения — чаще всего исторического, политического, философского, нравоучительного. Пожелания, высказывавшиеся в посвящении, подкреплялись теми примерами, которые содержались в самой книге. Это был способ воздействия не только на монарха, имя которого «украшало» издание, но и на общественное мнение.

Панегирические формулы становились данью этикету, и для многих литераторов это был способ привлечь внимание государя не только и не столько к собственной персоне, сколько к тому делу, которому они служили, к вещам, имеющим значение для развития отечественной науки и культуры, для интересов страны в целом. При этом с течением времени расстояние, разделявшее монарха и посвящавшего ему свой труд литератора, постепенно

---

⁷⁸ Иоанна Арндта о истинном христианстве шесть книг с присовокуплением Райского вертограда и других нескольких мелких сочинений сего писателя. М., 1800. Ч. 1. С. 6 нenum. В «Сводном каталоге книг гражданской печати XVIII века. 1725—1800» (М., 1963. Т. 1. А—И. С. 55—56) первые две части этого издания в соответствии с датами на титуле отнесены к 1800 г., но приведенный текст посвящения свидетельствует о том, что эти части вышли не ранее 1801 г.

⁷⁹ См. об этом: *Warda A. Z obserwacji nad dedykacjami mecenasowskimi.* S. 50.

сокращалось. К государю обращался уже не тот, кто называл себя «нижайшим подножием», но писатель, умеющий при соблюдении всех правил литературного этикета сохранить чувство собственного достоинства, считающий, что он имеет право на независимость своего мнения в вопросах истории, политики и морали. Неудивительно поэтому, что воспитанный на традициях XVIII в. Н. М. Карамзин посвятил императору Александру Павловичу свой многолетний труд «Историю государства Российского», названный А. С. Пушкиным «подвигом честного человека».